

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00004

УДК 94:343.979 (470.2)

**«В ТИХОМ ОМУТЕ ...»:
ПРЕСТУПНОСТЬ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ
(XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Пулькин М.В.

Исследование посвящено проблемам формирования и развития основных тенденций в криминальной сфере на территории Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв. Выявлено, что ситуация в сфере преступности претерпевала существенные изменения на протяжении всего изучаемого периода. В первой половине XIX в. относительно слабая имущественная дифференциация и заметное влияние православной церкви существенно уменьшали масштабы девиантных проявлений. Однако буржуазные реформы и постепенное распространение религиозного индифферентизма заметно поменяли благоприятную картину. Количество преступлений и степень их тяжести ощутимо возросли.

Ключевые слова: преступность, криминал, девиантность, полиция, законодательство, крестьянство, духовенство, социальный контроль.

**“IN SILENT BOT TOM...”:
CRIME IN OLONETS PROVINCE
(19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

Pulkin M.V.

The study reviews the problems of formation and development of trends in the criminal sphere on the territory of Olonets province between the 19th and early 20th centuries. It is revealed that the situation in the field of crime has undergone significant changes throughout the period under study. In the first half of the 19th century, relatively weak property differentiation and a noticeable influence of the Orthodox Church significantly reduced the scale of deviant manifestations. However, bourgeois reforms and the gradual spread of religious indifferentism markedly

changed the favourable picture. The number of crimes and their severity increased significantly.

Keywords: crime, crime, deviance, police, legislation, peasantry, clergy, social control.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

Проблема истории преступности в России традиционно не относится к числу приоритетных и активно разрабатываемых научных направлений. Фундаментальные исследования и отдельные статьи по указанному вопросу остаются редкими историографическими феноменами [9; 8, с. 78-81; 11, с. 17, 102, 120, 130, 229; 16]. *Задача данной статьи состоит в изучении типичных черт преступности на одной из наименее криминализованных окраин Российской империи – Олонецкой губернии.* Региональный подход к исследованию криминалитета, как и любой другой, предполагает изучение этого явления в динамике, в совокупности с множеством других факторов. Необходимо помнить и о специфической черте эволюции разнообразных нарушений закона, сохраняющейся во все времена. Исследования преступности показывают, что на протяжении всей истории ее существования обществу приходилось постоянно совершенствовать свою деятельность исходя из меняющейся ситуации в сфере правонарушений. Преступность всегда «имеет динамичный, инициативный, творческий характер <...> Самозащита общества от преступности по своему происхождению вторична. Первые ходы делает преступность» [9, с. 31].

Одной из сложнейших проблем была классификация правонарушений. Законодательство начала XIX в. подробно определило категории преступных деяний. К преступлениям первой степени относили убийство, разбой, лихоимство и другие тяжкие преступления. К преступлениям второй степени

причисляли кражу на сумму свыше ста рублей, неоднократное воровство (совершенное более трех раз), а также пристанодержательство, бродяжничество и другие правонарушения, за которые приговаривали к ссылке в Сибирь или к отдаче в солдаты. Преступлениями третьей степени являлись маловажные кражи и мошенничество (с ущербом до 20-ти рублей). К данной категории относились пьянство, своеволие, непослушание властям, нарушение благочестия в церкви (особенно во время литургии) и другие виды незначительных правонарушений. За совершение перечисленных деяний виновных подвергали легкому телесному наказанию (иногда непосредственно на месте, где совершено правонарушение). Альтернативой могло стать краткое содержание в смирительном доме [4, с. 138].

Исходя из сложившихся в законодательстве классификаций, местные власти составляли отчеты о типичных чертах преступности на вверенных им территориях. Характеристики преступности, содержащиеся в отчетах городничих, позволяют утверждать, что в первой половине XIX в. доминирующее значение имели корыстные преступления. По данным из отчета вытегорской городской полиции, большая часть преступлений, совершенных местными жителями, «относится к воровству». [17, л. 153]. Пудожский городничий полагал, что основные преступления его сограждан остаются за пределами существующей системы правонарушений. Их деяния заслуживают скорее нравственного осуждения, чем реальных наказаний по действующему законодательству. Их «главнейший порок», отмеченный полицией, – лень, пьянство, мелкое воровство, «склонность к ябеде и в высшей степени дерзость». Но в настоящее время они воздерживаются и от всех перечисленных слабых девиантных проявлений благодаря своевременным «исправительным мерам», принятым местной полицией [22, л. 248]. Другой полицейский, вытегорский земский исправник, отмечал столь же незначительные проступки подведомственных ему сограждан. Исправник писал: основной порок его земляков состоит в том, что значительная часть из них привержена к «излишним роскошам». Они быстро вводят «в обыкновение» чай и кофе,

несмотря на то, что иногда испытывают острую нужду «в необходимых по своему быту предметах» [19, л. 242].

Каргопольский земский исправник указал значительно более обширный список правонарушений, типичных для вверенной его надзору местности. Он указывал, что все местные преступления связаны с похищением чужой собственности. Но и таких не столь опасных правонарушений случается крайне немного. Каргопольские мещане «вообще народ честный и трудолюбивый». Они не привержены распространенным в российском обществе порокам: «занимаются горячими напитками мало» [18, л. 205]. В качестве главного вида преступности, характерной для соотечественников, исправник отмечал некоторые виды мошенничества. Местные жители нанимались в работники «единственно для получения задатков». Затем они бесцеремонно обманывали нанимателей. Кроме того, земляки были склонны к «ябедничеству» и заведомо ложным прошениям, с которыми регулярно и настойчиво обращаются в различные органы власти. В их повседневном поведении исправник усматривал некоторые безобидные, но, всё же, несомненно, девиантные черты. Местные жители проявляли интерес «к лакомствам и нарядам сверх своего состояния при крайних нуждах», причиняя себе невосполнимый экономический ущерб и явно «не рассчитывая хозяйства». Немалые деньги тратились ими на плотские удовольствия. Постоянно возникало «большое затруднение во взыскании государственных податей» [20, л. 312].

Каргопольцы проявляли тягу «к чрезвычайной лени», всячески избегая тяжелых работ, ведя явно «неумеренный» образ жизни. Постепенно «во многих семействах» возникла крайняя нищета, на улицах города появлялись толпы попрошайек. Наконец, они регулярно проявляли склонность и к более серьезным преступлениям: «насильственному овладению девок для супружества и для работ». Изредка отмечались и общественно опасные деяния: склонность к «ослушанию властей чрез противные и дерзкие проступки распоряжениям начальства» [20, л. 312]. Повенецкий исправник полагал, что аналогичные проявления девиантности распространились в простом народе совсем недавно.

Наиболее значительная часть преступлений, совершённых в первой половине XIX в., относится к «грубостям против начальства». Некоторое распространение получили также воровство и мошенничество. Такие пороки прежде оставались «малоизвестны в этом крае и оказывались редко». Но теперь девиантные тенденции начали проявляться значительно чаще. По предположению полиции, они возникли исключительно по причине «праздношатательства» и от «лености к работам» [21, л. 479].

В первой половине XIX в. степень имущественного неравенства оставалась незначительной при сохранении в городах заметного влияния Православной Церкви. Оба фактора существенно ограничивали девиантные проявления. К середине XIX в. в общественном строе России произошли существенные изменения. Они заметно повлияли на состояние дел в сфере преступности. Особая роль буржуазных реформ, роста имущественной дифференциации и изменений в стереотипах поведения значительной части населения в быстром увеличении числа преступлений подчеркивается современными исследователями [1, с. 75]. В то же время, в значительной мере сохранялись и продолжали действовать те факторы, которые существовали в предшествующий период. Вспышки насилия, периодически происходящие в разных частях империи, могли затрагивать не только непосредственных виновников крестьянских бед, но и всех тех, кто по широко бытующим в народе представлениям непосредственно связан с властью. Некоторые формы девиантности имели вневременное значение, в обозримом будущем они просто не могут исчезнуть. Этнографы, изучавшие крестьянские сообщества России, считают «широко распространенным в них как воровство, так и страх быть обворованным» [32, с. 158].

Современники событий отмечали, что уголовные преступления в карельской среде были крайне редким феноменом. Здесь «преступлений против чужой собственности, так равно и против личности, почти что не замечается». Нарушения закона оставались уникальным явлением: «чтоб кореляк решился на одно из поименованных преступлений, для этого нужно поставить его в

такие ненормальные условия, которые в состоянии увлечь его спокойную натуру за те пределы, где кончается рассудок и начинается пассива». Но такое случалось редко. Потому «на убийства, разбои, грабежи и самоубийства, встречавшиеся когда-либо у этого народа, нужно смотреть как на диковинные вещи» [5, с. 56]. Заметим, что полиции постоянно приходилось иметь дело с вооруженным и отлично умеющим применять винтовки населением. Судя по обзору Олонецкой губернии за 1895 г., местные охотники в большинстве умело пользовались винтовками собственного изготовления. Такова местная традиция, «привычка к которой так сжилась в среде местных охотников, что у многих винтовки переходят от поколения к поколению, по наследству» [12, с. 13].

Одновременно с изменениями в религиозной политике Российского государства шло становление новых основ общества, содержащих предпосылки для развития девиантности. По данным современных исследований, импульс к дальнейшему развитию девиантность получила в середине XIX в.: «Личная свобода, полученная в результате великих реформ, дорого обошлась обществу – она привела почти к четырехкратному росту преступности» [10, с. 97]. Социальные изменения подталкивали к реформированию полиции, для которой отныне открывался широкий простор деятельности. И действительно, как показывают современные исследования, репрессивный аппарат государства быстро набирал обороты. В соответствии с тяжелой ситуацией, полиция и суды, как полагал известный советский исследователь проблем российской преступности С.С. Остроумов, работали «жестко и эффективно». С 1857 по 1865 г. число подсудимых увеличилось на треть, а число осужденных в полтора раза [16, с. 97]. Но и в набирающей обороты деятельности судебных органов отмечались явные девиантные проявления, неизбежно сопутствующие интенсификации различных форм правоохранительной деятельности. «Специфической особенностью движения русской преступности следует признать выдающееся из ряда увеличение числа дел о лжеприсяге, лжедоносе и ложном свидетельстве» [28, с. 143].

В числе факторов, толкавших отдельных лиц на девиантные проявления, очевидно, можно назвать постепенно разворачивавшийся под влиянием буржуазных реформ процесс становления индивидуальной личности, сопровождавшийся разрушением устоявшихся норм коллективной жизни, снижением влияния православной идеологии, заметным расслоением общества. Город заметно усиливал криминальные проявления, быстро растущие в сельской местности. Возвращающиеся из города крестьяне абсолютно не вписывались в традиционное общество. Известна общемировая и вполне предсказуемая закономерность: «несопоставимо большее количество преступлений совершается людьми, подверженными высокой географической мобильности» [2, с. 83].

Переезжавшие из деревни в город, вырывавшиеся из-под власти общины крестьяне часто проявляли склонность к девиантному поведению. Явно не привыкшие к самоконтролю, молодые люди «легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям» [10, с. 95]. Урбанизация становилась существенным фактором, способствующим девиантным проявлениям. Повсюду в России, и Олонецкая губерния здесь не исключение, городская жизнь являлась силой, подрывавшей традиционные общинные институты. В городской среде особенно отчетливо проявилась одна негативная черта: общество не проявляло особой требовательности к человеку, а человек – к себе. Новые ценности буржуазной, городской культуры быстро усваивались отдельными личностями, а затем, при возвращении их в деревню, транслировались «в сознание родовое», стремительно подтачивая его изнутри. Во время отчаянного поиска заработков в городах, на отхожих промыслах сельское население неизбежно осваивало принципиально новые нормы поведения [1, с. 45]. Многие современники с тревогой и сожалением констатировали быстрый рост расчетливости, эгоизма и «утрату прежних нравственных ориентиров как основных мотивов поведения крестьян» [27, с. 174].

Судя по отчету о состоянии Олонецкой епархии за 1904 г., даже краткое время, проведенное в крупных городах, неизбежно меняло повседневные модели поведения крестьян самым заметным и предельно негативным образом: «В тех местах, где сельское население по недостатку выгод от земледелия прибегает к отхожим промыслам, замечаются господствующие пороки». Проявились и становились все более массовыми такие негативные социальные явления, как «обман, зависть, сутяжничество, разврат, сквернословие, праздничный разгул». Отрицательные изменения затрагивали и семейный уклад. Возникало и постепенно становилось нормой неуважение к старшим, участились разделы имущества [23, л. 29]. Имеется и иной аспект динамики девиантности и тесно связанных с ней тенденций в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о территориальной сегментации девиантного поведения. Те или иные формы отклоняющегося поведения преобладали на разных территориях Российского государства, создавая им устойчивую негативную репутацию. По данным полицейской статистики, в середине XIX в. по «смертоубийству» лидировали Вятская, Пермская, Рязанская, Тобольская и Томская губернии. По «зажигательству» наибольшее количество случаев приходилось на Вятскую, Ярославскую, и Костромскую губернии. В то же время в Олонецкой губернии по данным с 1856 по 1859 гг. не нашлось ни одного подсудимого по делам о поджогах [15, с. 56]. Самое большое число обвиняемых в разбое осуждено в Подольской губернии. В половине российских губерний «вовсе не возникало дел по сему роду преступления». По числу грабежей явным лидером в российских масштабах стала Пермская губерния. Здесь в 1856 и 1857 гг. количество обвиняемых составляло более половины числа аналогичных преступлений «по всем губерниям в совокупности». Но в Гродненской, Полтавской и Эстляндской губерниях вовсе не возникало подобных дел [15, с. 57].

Специфические проявления преступности могли существовать в тех частях государства, где находились ссыльные, всегда склонные к совершению девиантных поступков. Самым распространенным из их числа стало бегство с

мест отбывания ссылки, чему в значительной мере способствовала слабость и недостаточность надзора со стороны местной полиции за лицами, отбывающими наказание. В 1861 г. по материалам, предоставленным полицией, Петрозаводский уездный суд рассмотрел дело отставного штабс-капитана Левашова, обвиняемого в том, что он «уже два раза самовольно отлучался с места жительства из-под надзора полиции» [26, л. 2]. Среди ссылных имелись лица различных сословий. Но все более заметный процент отбывающих наказание составляли образованные и активные представители привилегированных слоев общества, доставляющие полиции особенно много хлопот.

По сравнению с крестьянами, все более вовлекавшимися в массовый протест, несколько меньшей в абсолютных цифрах стала в изучаемый период преступность в мещанской среде. Затем в порядке убывания следуют лица привилегированных сословий: личные и потомственные дворяне, духовенство, купцы и почетные граждане. Но в относительных показателях, с учетом огромного процента крестьян в населении губернии, картина становится совершенно иной. Наибольшее число преступников было среди мещан, «затем идут привилегированные сословия и, наконец, крестьяне» [6, с. 15-16]. Современники событий, составители циркуляров МВД, не без оснований оценивали крестьянство как стабильную часть общества, наиболее преданную монаршему престолу. Из сведений, находящихся в распоряжении МВД, вытекало, что сельское население представляет собой «неизменно надежный оплот существующего государственного порядка». Лояльность сохранялась вследствие глубоко коренящегося в сознании масс убеждения в том, что общественное спокойствие и личная безопасность «обеспечены лишь прочностью сего порядка» [31, л. 14].

Указанная особенность прослеживается и на общероссийском уровне. Занимая доминирующее положение в абсолютном числе осужденных, крестьяне «по интенсивности преступлений» повсеместно находились на одном из последних мест [16, с. 97]. В России крестьяне составляли 82% населения,

однако их численность среди преступников – лишь 61%. Лица духовного звания в совокупности составляли 1% населения, а количество совершенных ими преступных деяний достигало всего 0,6% [33, с. 636]. Особенную склонность к совершению разнообразных преступлений в конце XIX в. демонстрировали мещане. Нередко нарушали закон отставные нижние чины и их семейства. Рассмотрение вопроса о месте проживания правонарушителей приводит исследователей ко вполне ожидаемым выводам. Здесь «наше внимание поражается значительно большею преступностью городского населения сравнительно с уездным» [33, с. 636].

По общероссийским данным, среди купечества заметный процент составляли правонарушения, связанные с коммерцией. Они заключались в регулярном несоблюдении требований уставов торговли и промышленности [16, с. 97]. Во всех перечисленных сословиях на рубеже XIX и XX вв. шел непрерывный рост числа правонарушений [6, с. 15-16]. Более точные цифры по Олонецкой губернии демонстрируют сложную картину преступности, связанную с различными видами нарушений закона. По данным за 1902 г., первое место занимали «проступки против личности»: 14 «смертоубийств», 25 случаев причинения ран и других тяжких повреждений. Указанная разновидность преступных деяний составила 30,8% от общего числа зарегистрированных нарушений закона. На втором месте оказались преступления против собственности (27%). На третьем – против «порядка управления». К их числу относились «оскорбление и явное неуважение к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности (18,1%)» [13, с. 47].

Многие конкретные факты проявлений девиантности связаны с духовным противостоянием деревни и города. Чаще всего речь идет о рабочих низкой квалификации, всецело поглощенных борьбой за выживание, которые стали заметной частью городского населения. На время возвращаясь из города в деревню, они шокировали своих односельчан и местное духовенство. В 1900-е гг. сельское общество впервые повсеместно столкнулось с массовым

хулиганством молодежи [7, с. 7]. Олонецкие материалы подтверждают эту тенденцию, однако из-за близости столицы в Карелии процесс начался значительно раньше. Как говорилось в статье, написанной псаломщиком из Немжинского прихода Олонецкой епархии, на общем фоне выделяются «те субъекты, которые побывали в столице». Они «позволяют себе в праздничные дни выпить и с гармонией в руках бродить по селу, распевая неприличные песни» [29, с. 511].

Источники рисуют периоды как резкого роста преступности, так и времена ее заметного снижения. Последнее имело место на отдельных территориях. Но это снижение было весьма слабо связано с успехами в деятельности полиции, будучи обусловлен преимущественно изменениями в хозяйственной и духовной жизни тех или иных территорий. Судя по составленному в 1896 г. олонецкими жандармами политическому обзору Вытегорского уезда, в нем «народная нравственность» оставалась «добропорядочною». Здесь нет «ни разгула, ни связанных с ним разного рода насилий». Какого-либо «волнения» среди местных обывателей «вовсе не проявлялось». Внезапное «отрадное явление» составители документа вполне обоснованно связывали с полным прекращением «людской тяги» на Мариинской водной системе и заменой ее тягой конной. Следовательно, в регионе исчез «бродячий, крайне разгульный и особенно опасно-заразительный для местного населения по своей совершенной безнравственности пришлый люд». из-за отсутствия «сравнительно легкого заработка тягою судов по каналам», потенциальные правонарушители постепенно рассредоточились, «разбредаясь по окрестностям». Другая очевидная причина сокращения преступности состояла в благотворном влиянии церковно-приходских школ. В них учителями и духовенством проводились регулярные «религиозно-нравственные собеседования», а также «народные, преимущественно для своих учащихся и их семейств, чтения, нередко иллюстрируемые туманными картинками» [24, л. 7].

Преступность второй половины XIX – начала XX вв. имела свои собственные, специфические черты. Их суть состояла как в количественном росте, так и в качественном изменении девиантных проявлений, обусловленном великими реформами и произошедшими вслед за ними изменениями в экономике и социальной жизни. Годы, непосредственно предшествующие революциям, вновь существенным образом изменили картину. Виды преступлений различались в зависимости от сословной принадлежности правонарушителей. Как показывает статистика, для правонарушений в среде российских крестьян наиболее характерны нанесение увечий и убийства. У мещан и лиц привилегированных сословий наиболее развита преступность имущественного характера. Среди последней категории населения столь же распространенными стали всевозможные должностные преступления.

Тяжкие преступления имели явную тенденцию к неуклонному росту. Судя по материалам из обзора Олонецкой губернии за 1905 г., число жертв «смертоубийства» быстро росло. Оно увеличилось по сравнению с предшествующим 1904 г. в два раза, что составители обзора вполне резонно сочли явлением, «указывающим на упадок нравственности в населении». На тот же прискорбный процесс указывали и другие факты, отраженные в уголовной статистике. В губернии произошло «три случая дерзких краж со взломом, – святотатства церковей и часовен в Вытегорском и Лодейнопольском уездах». Убийства совершались преимущественно в пьяном виде, во время праздничных драк, в присутствии значительного числа свидетелей. Такая особенность местного криминала существенно облегчала полиции расследование трагических происшествий. В том же документе зафиксирована и более длительная тенденция в сфере тяжких преступлений. В 1905 г. оказалось 25 случаев убийств. В прежние годы процент насильственных смертей «колебался в средней норме 14 человек». Подавляющее большинство убийств, как и прежде, происходило в спонтанных драках. Нередко тяжкие преступления совершались по неосторожности и вследствие чрезмерного

употребления алкоголя, что особенно широко распространено среди молодежи [14, с. 36-46].

Экономические противоречия составляли лишь часть проблем развития преступности в начале XX в. Особую разновидность криминальных проявлений составили так называемые государственные преступления. Они заключались в агитации против существующего строя и оскорблении венценосных особ [34, с. 173-176]. Нередко такие правонарушения совершались в состоянии алкогольного опьянения или под влиянием стресса, вызванного тяжелым экономическим положением. Влияние оказывали и иные причины, в возникновении которых, по народным представлениям, ведущую роль играла государственная власть. Чаще всего речь идет о непочтительных высказываниях в адрес правительства и о политическом строе, а также распространении листовок с призывами не платить налоги, уклоняться от воинской службы и т.п. Борьба полиции с проявлениями народного недовольства носила постоянный и весьма часто – безнадежный характер. Она отвлекала силы стражей порядка от противостояния уголовной преступности, но крайне редко имела сколько-нибудь ощутимые последствия для правонарушителей. Последние чаще всего отделялись легкими наказаниями, небольшими сроками тюремного заключения и т.п.

Специфической чертой Олонецкой губернии стало относительно слабое влияние бурных событий столичной политической жизни. Судя по обзору Олонецкой губернии за 1905 г., составленному в губернском жандармском управлении, «общее настроение народонаселения <...> менее спокойное, чем наблюдалось в предыдущие годы». Тревожные «внутренние и внешние события» предыдущего 1904 года вызвали среди местного населения «достаточное возбуждение, волнение и оживление». Население тяжело переживало «неудачные военные действия» на Дальнем Востоке. В то же время две мобилизации запасных чинов, прошедшие «прекрасно и в полном порядке», а также «непрерывные значительные пожертвования довольно бедного населения на нужды войны» вполне определенно свидетельствуют о том, что

«общим народным желанием» стала победа над врагом и успешное завершение «тяжелой и трудной кампании». Революционное движение «внутри и на окраинах России, породившее аграрные беспорядки, забастовки рабочих и железных дорог, множество террористических актов <...> не нашло себе сочувствия среди крестьянского населения». Более того, «явно разоблачивши перед последним стремления противоположительственных партий», революционеры вскоре «вызывали к себе полное недоверие и ненависть» [25, л. 5].

Ко времени завершения Первой революции полиция констатировала постепенное снижение уровня преступности в губернии. В числе основных причин такой благоприятной тенденции указывались распоряжения губернатора, который эффективно использовал Положение об усиленной охране для ускоренного наведения порядка. Как указывалось далее в отчете, «благодаря карательным мерам простой крестьянский люд сдерживался от бесшабашности и разнузданности». Отмечалось лишь несколько случаев «самоуправных и насильственных действий». Они совершались «в целях достижения экономических требований, имевших место при сплаве лесных материалов и при установках запаней по некоторым сплавным рекам уезда». Все лица, «проявившие означенные действия», вскоре понесли должное наказание. В отчетах исправников, адресованных губернатору, «констатируется тот факт, что на упадок нравственности среди крестьянского населения влияет в сильной степени наличность поднадзорных лиц разных категорий». «Ссылный элемент» представлял особую опасность для подрастающего поколения, легко поддающегося влиянию «преступных лиц» [14, с. 39–40].

Земская печать начала XX в. содержит аналогичные наблюдения. Хулиганство, распространенное в Олонецкой губернии и принимавшее в деревнях самые дикие формы, возникло в больших городах и в «фабричных местечках». Девиантное поведение постепенно формировалось «в темных подвалах-притонах, фабричных трактирах, в воровских шинках и харчевнях, в тайных ночлежных приютах, игорных домах». Различные формы

отклоняющегося поведения существовали «между людьми, потерявшими всякое желание честного труда и ненавидящими мирное проявление этого последнего» [3, с. 17]. Для Олонецкой губернии негативное влияние растущей промышленности оказалось решающим: «Нравы их (жителей Вытегорского уезда – М.П.) в последние годы еще более огрубели». Причиной развития негативных тенденций стало ощутимое влияние «фабричной и заводской цивилизации». Обзор Олонецкой губернии за 1905 г. содержит плачевные прогнозы, связанные с бурным ростом преступности. Молодежь, «не удерживаемая старшим поколением», скоро проявит себя с негативной стороны: она «будет буйствовать более и более». В недалеком будущем ее девиантное поведение приведет к тяжелым последствиям для всего общества и еще более «пошатнет нравственные устои низшего класса населения» [14, с. 46].

Материалы отчетов о состоянии губернии позволяют выяснить, что начиная с 1897 до 1905 гг. число преступлений, точно также как и число подсудимых, «изменялось неровно, нестройно». Количество нарушений закона то повышалось, то понижалось, «хотя, в общем, виднелась ясная тенденция к повышению». После начала первой русской революции «начинается правильный и быстрый рост числа преступлений». Статистика оказалась весьма красноречивой. «Если взять цифру преступлений и подсудимых для 1911 г. (310 преступлений и 449 подсудимых) <...> и сравнить с цифрой 1897 г. (91 преступление, 152 подсудимых), то можно коротко выразиться, что за 15 лет преступность в Олонецкой губернии возросла втрое» [6, с. 7]. С 1897 по 1901 гг. число зарегистрированных преступлений составило 627, с 1902 по 1906 гг. – 675. Но за период с 1907 по 1911 гг. количество нарушений закона, резко увеличившись, достигло 1383 [6, с. 7].

Наиболее заметным образом изменения в нравственном облике общества отразились в отношении к православным святыням. В деревнях возникли серьезные сложности, связанные с сохранением накопленного за столетия имущества приходских церквей. Всевозможные предметы церковной утвари

всё реже рассматривались местными жителями как неприкосновенная святыня и все чаще становились объектом преступных посягательств. Как указывалось в циркуляре Главного управления по делам милиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, разосланном по губерниям в октябре 1917 г., в Святейший Синод поступают многочисленные донесения об участившихся в последнее время вооруженных нападениях неизвестных лиц на монастыри и церкви. Бандитские действия нередко осуществлялись «с применением самого грубого насилия и даже убийств».

Приходские пастыри, столкнувшись с такой трагической ситуацией, обращались к прихожанам с призывом общими силами организовать охрану самих церквей и их достояния. Со своей стороны, милицейское начальство распорядилось «установить временно, впредь до минования настоящих ненормальных условий жизни, бдительную охрану церквей, монастырей и их имущества». В циркуляре содержалось предписание о том, чтобы стражи порядка «имели неослабное наблюдение, особенно в ночное время, за тем, что происходит возле обителей и церквей». Предписывалось осматривать здания «по возможности чаще», убеждаясь всякий раз «в целостности замков, дверей и окон». Милиционерам следовало незамедлительно приложить усилия, весь «опыт и старания к более успешному ограждению храмов и их достояния от ограблений и разгромов». На основании действующего законодательства, предполагалось «привлечь сельские общества к обязательному содержанию караулов для охраны местных церквей [30, л. 92].

Подводя итоги, отметим, что сочетание многообразных конфликтов, ведущих к девиантным проявлениям, представляло собой значимую составную часть повседневной жизни крестьян Олонецкой губернии. Преодоление одних конфликтов становилось преддверием новых явных (отраженных в документах) или скрытых от глаз исследователя потрясений. Все конфликтные ситуации связаны с запросами отдельных индивидов или коллективов и выстраиваются в иерархию. В ее фундаменте – биологические потребности выживания, необходимость обеспечения безопасности, попытки поддержания

традиционного уклада жизни, а также постепенная, но крайне медленная адаптация к новшествам. В ответ на общественно значимые социальные противоречия продолжался параллельный непрерывный процесс. Он заключался в постоянном сознательном или стихийном создании и стимулировании общественных изменений, призванных тем или иным способом решить назревающие проблемы борьбы с преступностью. Наиболее заметным элементом общественного противодействия девиантности стало формирование и совершенствование деятельности полиции, которая в изучаемый период росла численно и получала новые полномочия.

В сельской местности и в городах Олонецкой губернии, как показывают материалы уголовных дел, неуклонно шел процесс роста индивидуализма, распространялось девиантное поведение. Самостоятельно справиться с растущими масштабами преступности крестьянские сообщества все чаще оказывались не в состоянии. Ответ местной администрации на вызов времени оказался двояким. С одной стороны, эпоха перемен вынуждала соответствующие структуры, стоящие на страже закона, уделить большее внимание отклоняющемуся поведению, фиксировать и внимательно изучать те или иные нарушения устоявшихся норм. Всевозможные преступления против личности, судя по документам, встречались в истории Европейского Севера России постоянно. Они росли в количественном отношении и увеличивался их масштаб, что стало частью общероссийской тенденции. Как писал современник событий, «преступность в пределах Европейской России, несомненно, увеличивается», она растет «в прогрессии, превышающей рост населения» [28, с. 142]. С другой стороны, данный процесс оказывал воздействие как на структуру органов охраны общественного порядка, так и на численность полиции.

Девиантность может рассматриваться, во-первых, как сочетание архаических, но всегда вполне актуальных проявлений человеческой психики: агрессивности и кровожадности. Во-вторых, девиантность связана с традиционными формами реагирования на сложные ситуации и решения

возникающих острых проблем, исходя из действующих на данный момент норм. Традиционные нормы поведения открывали путь для коллективных проявлений девиантности, большей сплоченности индивидов и повышали вероятность безнаказанности. Инновации (преимущественно в социально-экономической сфере) становятся существенным фактором возникновения девиантных проявлений. Но нередко в социальных новшествах проявлялся и позитивный потенциал, связанный с преодолением негативных тенденций. Таким образом, преступность представляется как сочетание социальных и природно-биологических факторов, вынуждающих общество с защитными целями создавать инновации. Одной из таких инноваций стала активизация деятельности полиции.

Список литературы:

1. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2012. 224 с.
2. Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ. Н.Д. Хариковой. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 310 с.
3. Хулиганство. Из деревенских наблюдений // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 20. С. 17-18.
4. Кодан С.В., Поляков И.Ю. Полицейское законодательство Российской империи. Развитие, становление, систематизация. Вторая половина XVII – первая треть XIX вв. Очерки. Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, ИИТЦ «Зерцало-Урал», 2000. 348 с.
5. Колясников Н. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 6. С. 56-57.
6. Копяткевич В.А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. Петрозаводск, 1914. 128 с.

7. Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: два века истории. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 4-11.
8. Курас С. О генезисе преступности в России (исторический аспект) // Власть. 2010. № 3. С. 78-81.
9. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. 428 с.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 652 с.
11. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 568 с.
12. Обзор Олонецкой губернии за 1895 год. Петрозаводск, 1896. 48 с.
13. Обзор Олонецкой губернии за 1902 год. Петрозаводск, 1903. 50 с.
14. Обзор Олонецкой губернии за 1905 год. Петрозаводск, 1906. 52 с.
15. Орлов И., Хвостов А. Материалы для уголовной статистики России // Журнал министерства юстиции. 1860. № 10. С. 56-62.
16. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Издательство МГУ, 1980. 204 с.
17. Отчет вытегорского городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 153-155.
18. Отчет каргопольского городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 205-207.
19. Отчет вытегорского земского исправника за 1848 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9/32. Л. 242.
20. Отчет каргопольского земского исправника за 1848 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9/32. Л. 312-314.
21. Отчет повенецкого земского исправника за 1848 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9/32. Л. 478-480.

22. Отчет пудоожского городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 248-250.
23. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1904 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/97. Л. 1-32.
24. Политический обзор Вытегорского уезда за 1896 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 2. Д. 14/174. Л. 6-7, об.
25. Политический обзор Олонецкой губернии за 1905 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 31/7. Л. 5-5 об.
26. Сообщение Петрозаводской градской полиции Петрозаводскому уездному суду // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 58. Оп. 1. Д. 63/544. Л. 1-2.
27. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
28. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–94 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3. С. 140-148.
29. Фарсионов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 13. С. 511-512.
30. Циркуляр Главного управления по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109/2958. Л. 92.
31. Циркуляр Министерства внутренних дел // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 5/55. Л. 14-16.
32. Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. М.: Наука, 1993. 238 с.
33. Чупров А. Некоторые данные о нравственной статистике России // Юридический вестник. 1884. № 8. С. 635-641.
34. Ябанжи И.И. Расследование дел о государственных преступлениях в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 173-176.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.